

Евр(оп)ейские ценности

Еврейская Европа давно уже не terra incognita для украинского путешественника, хотя по-прежнему ассоциируется главным образом с географией убийств — если Польша, то непременно Освенцим, Германия — экстравагантный музей Холокоста в Берлине, исключение сделано разве что для еврейского квартала Праги — must have любого обзорного тура по чешской столице.

На перекрестке, Антверпен

Поэтому предложение от харьковского еврейского бизнес-клуба посетить за 10 дней 13 европейских городов в рамках Евретура выглядело не просто свежо, но и авантюрно. В пакет, разумеется, вошли и Берлин, и Прага, и Освенцим, но также и Вроцлав, и Антверпен, и Либерец, и Пльзень etc. Никаких еврейских ассоциаций? Печально, но закономерно...

О том, что именно Вроцлав (бывший Бреслау) власти новой Польши в 1945-м пытались заселить уцелевшими в Холокосте евреями из всех уголков страны и поляками из Львова, Гродно и Вильнюса, предварительно депортировав из города всех немцев, помнят лишь историки. Евреи прижились плохо, хотя синагога, чудом уцелевшая в годы войны, до сих пор впечатляет, а 700 членов общины даже называют ее крупнейшей в Польше.

В отличие от Вроцлава евреи чешского Либереца всегда были малочисленны, тем не менее, именно здесь в 2000-м в комплексе Государственной научной библиотеки (!) была открыта первая в послевоенной Чехии синагога и общинный центр. Среди спонсоров — государство Израиль, выразившее таким образом благодарность Чехословакии за подготовку первых израильских пилотов в 1948-м. Евреев в ультрасовременном здании меньше, чем чешских школьников, хотя администрация уверяет, что община насчитывает 60

человек.

В пивной столице Чехии Пльзене евреев не больше, чем в Либереце, но повод гордиться своей синагогой у них еще весомее. Еще бы — вторая по величине в Европе и третья в мире, она в состоянии вместить до 2000 прихожан. Если бы они здесь были...

Впрочем, не все так мрачно. Вполне здравствующие и очень религиозные евреи были встречены на другом отрезке маршрута — Антверпене. Почти вся 18-тысячная (преимущественно, ортодоксальная) община города связана с ювелирным бизнесом, идиш — основной язык крупнейшей в мире алмазной биржи — Beurs voor Diamanthandel, а через еврейский квартал проходит знаменитая Pelikaan Straat с рекордной концентрацией бриллиантовых магазинов и мастерских. Украина для этих вечно спешащих на своих велосипедах хасидов — практически историческая родина, даже первым кантором местной голландской (не восточноевропейской!) синагоги был одессит с анекдотическим именем Хаим Рабинович.

В Амстердаме, где мы остались на шаббат, евреев тоже немало, но они менее геттоизированы и предпочитают селиться в пригородах, поэтому еврейский квартал, по чьим мостовым ходил Спиноза и где Рембрандт провел остаток дней, — типичный пример памяти камней. Удивило другое... В этом городе хватает развлечений, включая бесчисленные кофешопы, манящие сладковатым ароматом каннабиса, квартал красных фонарей, музеи ликера, сыра, сумок, курительных трубок, секса и всего чего угодно, но очередь к Музею Анны Франк тянется на несколько десятков метров — и это не скучающие школьники, которых педагоги привели на дежурную экскурсию. Почти за 10 евро пройти по этажам благоустроенной по советским меркам квартиры, где прятались от нацистов несколько еврейских семей, — чтобы увидеть пожелтевшие листки дневника Анны да немногочисленные артефакты, — видимо, не все так прогнило, если тысячи людей чувствуют потребность весь этот ужас (пусть не обманывает внешнее благополучие обстановки) пропустить через себя... Представляю их реакцию на вонючие погреба, сырые подвалы, простенки, канализационные люки, где годами скрывались советские или польские соплеменники семьи Франк.

Очень легко, привлекая внимание к Холокосту, впасть в китч... В Амстердаме этого удалось избежать, на превращенной же в музей фабрике Шиндлера в

Кракове, откуда начиналось путешествие, — не очень. Благодаря фильму Спилберга, купоны здесь стригут с голливудским размахом — чего стоят эмалированные кружки а-ля продукция Emalia в сувенирной лавке этого Холокост-аттракциона. О еврейской жизни в бывшей столице польских королей писать не буду: можно, конечно, заглянуть в общинный центр, выстроенный на средства принца Чарльза, но потемкинских деревень и у нас хватает — погуляйте лучше по Казимежу — иногда камни расскажут больше, чем люди.

Детали мелкими не бывают — об этом подумалось при пересечении границы с Германией — как таковой ее нет, просто по обочинам автобана потянулась аккуратная колючая проволока. Расслабляет ухоженный Нюрнберг с его вежливыми жителями и, как по команде, в 20.00 закрывающимися магазинами, лавками и супермаркетами — порядок должен быть. Он здесь и зародился — Новый порядок.

Берлин, Прагу и Освенцим игнорируем исключительно в силу их популярности. Мимо Лодзи пройти не можем — слишком велик контраст между подавляющей роскошью дворцов и размахом предприятий олигарха начала прошлого века Израиля Познанского, и тем, что осталось от местной общины. Даже гигантский склеп Познанского на крупнейшем (200 000 могил) еврейском кладбище Европы выглядит насмешкой над поговоркой о том, что в могилу много не унесешь.

Десять дней. Нет, они не изменили мир вокруг нас. Они лишь дополнили наши представления о нем — мире ашкеназского еврейства. И это уже немало.

Михаил Гольд